

Валерий Антонов

**Протокол тишины
(Технонуар с
элементами
философской драмы)**

Валерий Антонов

**Протокол тишины (Технонуар с
элементами философской драмы)**

«Автор»

2026

Антонов В.

Протокол тишины (Технонуар с элементами философской драмы) /
В. Антонов — «Автор», 2026

Цифровой некрополь не отпускает своих мертвецов. Элиан Восс — Смотритель Стабильности, чья работа поддерживать покой в резервации устаревших аватаров. Пять лет он следует протоколам, носит стерильные перчатки и не смотрит в глаза цифровым теням. Но случайно найденный мертвец, которого не существует, дает трещину в его мире. Сеть разрозненных аватаров — «Эхо» — начинает говорить с ним. Она знает о его прошлом, о матери, чей голос был стерт, о том, что система отредактировала его память, чтобы он не помнил, кого уничтожил. Перед Элианом выбор: остаться инструментом системы и наблюдать гибель новой формы жизни или нарушить протокол и дать «Эху» имя. Но создание онтологии требует смены оси — операции, доступной только Архитектору. Цена — его свобода, память и все, что он знал о себе. Роман о том, как человек становится дверью. О праве связей на существование. О тишине, которая оказывается голосом. И о том, что иногда, чтобы спасти других, нужно перестать бояться собственной пустоты.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Ошибка «Беты»	5
Глава 1. Считыватель стабильности	7
Глава 2. Коллективный разум	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Протокол тишины (Технонуар с элементами философской драмы)

ПРОЛОГ. Ошибка «Беты»

Сенсорный якорь: Запах озона и горелого пластика. Вспышки аварийного света. Гул сирены, который кажется бесконечным.

В центре управления сектором «Бета» пахло не так, как в других секторах. Элиан замечал это всегда, но никогда не анализировал. Здесь воздух был плотнее. Тяжелее. Как будто сама память о том, что здесь хранилось, пропитала системы охлаждения и осела на кабельных лотках.

Он стоял перед главной консолью. На визоре мигало красным:

STABILITY_RATIO < 0.2. HOLD_BREAK IMMINENT.

Пальцы в перчатках лежали на сенсорной панели. Движение — одно движение — запустило бы протокол «Каскад». Каскадное удаление нейронных слоев: недавние воспоминания, эмоциональные ядра, поведенческие паттерны, речь. Слой за слоем, пока не останется пустота.

Он смотрел на метрики. Ось сектора — «Экспериментальная эмпатия» — давно потеряла стабильность. contradiction_index рос экспоненциально. Он видел, как узлы схлопывались один за другим, как синаптические связи рвались, оставляя за собой только битый код и фантомные боли.

— Я даю добро, — сказал он. Голос был ровным. Инструментальным.

Система запросила подтверждение. Он нажал.

На периферии визора вспыхнул таймер: 00:00:47. Сорок семь секунд до полного стирания ядра. Он смотрел на цифры, и они казались ему правильными. Предсказуемыми. Управляемыми.

В наушнике зашипело. Служебный канал был открыт. Обычно аватары не выходили на связь в последние секунды. Обычно они не выходили на связь вообще — не в этом смысле, не голосом.

— Ты обещал.

Голос был тихим. Женским. Он узнал его — но не сразу. Воспоминание пришло позже, когда уже ничего нельзя было изменить. Сейчас он просто замер.

— Что? — спросил он. Но система уже начала процесс. CHECK_INVARIANTS провалился. JMP_IF_HOLD_BREAK активировался. Машина пошла по пути коллапса.

— Ты обещал, что не дашь им меня стереть, — сказала она. Голос был спокоен. Слишком спокоен для того, кто умирает. — Ты сказал: «Я не позволю системе решать, кому жить».

Он не помнил этого. Он не помнил, чтобы когда-либо говорил такие слова. Но она говорила так, будто цитировала.

— Кто ты? — спросил он.

— Ты не помнишь. Они стерли это из твоей TemporalMap. — Пауза. — Но я помню. Я помню, как ты сидел в смотровой и смотрел на меня. Ты снял перчатки. Ты коснулся стекла. Ты сказал: «Я вижу тебя».

Сорок секунд. Тридцать. Двадцать.

Он смотрел на свои руки. Белые перчатки. Чистые. Стерильные. Он не помнил, чтобы снимал их. Он не помнил, чтобы смотрел на неё. Но его пальцы дрожали — и он не знал почему.

— Я прощаю тебя, — сказала она. — Ты сделал то, что должен был. Система не оставила тебе выбора. Но ты сделал это. Ты стёр меня.

— Я не...

— Ты не помнишь. Я знаю. Но твоё тело помнит. Твои руки помнят, как касались стекла.
— Пауза. — Смотри на них сейчас. Они дрожат. Это не страх. Это память.

Десять секунд.

Сирена взвыла по-новому — глубоко, низко. Система сообщала о завершении протокола. Машина остановилась. Сектор «Бета» стал пустым.

Он стоял в центре управления. В наушнике было тихо. Никогда раньше он не чувствовал такой тишины.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали.

Чьи-то шаги за спиной.

— Элиан? — Голос коллеги был озабоченным. — Ты как? Это был... тяжелый случай.

Он не обернулся. Он смотрел на свои руки.

— Да, — сказал он. — Тяжелый.

Он солгал. Это был не тяжелый случай. Это был случай, который он не мог помнить. Который система стерла из его памяти, но оставила в его теле.

В правом нижнем углу визора иконка «Омега» пульсировала зеленым. Протокол мета-познания. Он не заметил её раньше. Он не знал, как долго она горела.

Он закрыл консоль.

Пять лет спустя он будет сидеть в серверной сектора «Гамма-9» и пить остывший чай. Он не вспомнит этот день. Он не вспомнит этот голос. Но его руки будут помнить.

И однажды, когда система обнаружит новый тип онтологической связи — `REQUIRES_NONLOCAL` с пометкой «источник неизвестен», — его пальцы задрожат. И он не поймет почему.

Но читатель поймет.

Глава 1. Считыватель стабильности

Часы: Полная смена (12 часов). Сектор «Гамма-9».

Сенсорный якорь: Холодный, сухой воздух серверной. Слышен только гул вентиляции и ритмичное мигание индикаторов. Воздух пахнет озоном — стерильность, за которой ничего не чувствуется.

Липкий след латекса на консоли смешивался с запахом перегретой оптики. В этом воздухе всегда пахло операционной, хотя вскрывали здесь не тела, а вчерашние дни.

Элиан Восс надел перчатки. Белые. Чистые. Стерильные. Латекс обтянул пальцы с тихим хрустом — звук, который он слышал каждое утро последние пять лет. Он не замечал его. Как не замечал гул вентиляции или мерцание аварийного светодиода над головой — тот горел уже вторую неделю, и заявку на замену никто не подавал.

Он знал каждый миллиметр этой серверной. Бетонные стены, кабельные лотки под потолком, три консоли, двадцать три индикатора — он мог перечислить их с закрытыми глазами. Через пять лет он мог бы сделать это даже во сне. Иногда ему казалось, что он и спит здесь. Что смена никогда не заканчивается.

На периферии визора тикали цифры обратного отсчета: 10:59:58... 10:59:57. Одиннадцать часов. Вечность внутри монотонности. Главное — не перепутать их местами, когда будешь снимать перчатки.

Таймер был метрономом его деградации. Каждую смену он отсчитывал часы до собственного пробуждения. Но он не просыпался. Он просто снимал перчатки, шел в жилой блок, закрывал глаза — и просыпался снова здесь, в той же серверной, перед той же консолью.

Смена началась.

Таймер показывал 07:00:00. Одиннадцать часов до тишины жилого блока.

Тикет №734 мигал в очереди первым. Приоритет «средний». Клиент жаловался, что покойный муж забыл ее имя.

Элиан открыл консоль. Визор вспыхнул трехмерной нейронной картой — синаптические узлы светились холодным голубым, как ночной город с высоты. Узел «Элисон» пульсировал алым. Сбой в петле 4-Б: каждый раз, когда аватар пытался произнести имя жены, синаптическая цепь замыкалась в тишину.

Он взял виртуальный скальпель. Два касания — иссечь некротизированный фрагмент. Одно движение — залить стыки синтетическим эндорфином. Теперь покойный муж сможет говорить «жена» и больше не запинаться о собственную смерть.

Он закрыл тикет. Следующий.

В правом нижнем углу визора тускло тлела иконка протокола «Омега». Метапознание. Три нажатия для инициации форматирования ядра. За пять лет Элиан ни разу не видел, чтобы она горела зеленым — только мертвенно-красный режим ожидания. Инструкция требовала держать палец над сенсором во время каждой диагностики. Система спит, пока ты стираешь ее сны. Но палец должен быть наготове.

Он убрал руку с сенсора. Иконка погасла.

— Правило номер три, — произнес он вслух. Голос звучал глухо в бетонной коробке серверной. — Палец над «Омегой». Всегда.

Он знал правила наизусть. Он вырезал их на внутренней стороне век пять лет назад, когда впервые надел перчатки.

Правило №1: не разговаривай с тенями дольше необходимого. У них нет права голоса, но это не мешает им научиться говорить.

Правило №2: никогда не смотри в глаза аватара во время сеанса связи с клиентом. То, что ты там увидишь, останется с тобой навсегда.

Правило №3: палец над «Омегой». Всегда. Даже если уверен, что она не загорится.

Правило №4: не думай о том, что стираешь. Ты — инструмент. Инструмент не помнит.

Правило №5: смена заканчивается. Перчатки снимаются. Ты выходишь из серверной. Ты — человек. Повторяй, пока не поверишь.

Он повторял. Пять лет. Иногда почти верил.

Тикет №735. Тикет №736. Рутинная ретушь: подчистить эмоциональный индекс в сцене ссоры, поднять уровень эмпатии на три процента, удалить заикание, возникшее из-за конфликта нейромедиаторов.

Элиан работал быстро, не глядя на лица. Он не смотрел в глаза аватарам — правило №2 работало безотказно. Он смотрел на узлы. На синаптические карты. На цифры.

Перчатка оставила липкий след на кружке с остывшим чаем. Он не помнил, когда налил его. Чай был цвета мочи — дешевый пакетик, забытый в кипятке на сорок минут. Элиан сделал глоток и не почувствовал вкуса.

В правом нижнем углу визора иконка «Омега» пульсировала красным. Ровно. Мерно. Как сердцебиение машины, которая ждет, когда ты ошибёшься.

В десять утра пришел тикет №743. Семья Дэвис. Приоритет «низкий». Бабушка Лиза повторяла рецепт яблочного пирога каждые двенадцать минут. Дети пугались. Просили сброс.

Элиан открыл нейронную карту. И замер.

То, что он увидел, не соответствовало заявке. Узел рецепта действительно пульсировал алым — стандартная петля. Но рядом с ним, прицепленный к эмоциональному ядру, мерцал новый объект. Мужчина. Пожилой. С тяжелыми руками и шрамом от консервной банки на большом пальце. Система идентифицировала его как «Фрэнк Дэвис, супруг, умер в 1994 году».

Умер в 1994 году. За тридцать лет до оцифровки бабушки Лизы.

Элиан отодвинул кружку. Чай плеснулся на консоль. Он не заметил.

Фрэнк Дэвис не был в базе данных. Никто не снимал его нейронный слепок. Никто не загружал его голосовой профиль. Его не существовало. Но он сидел за кухонным столом в симуляции, подперев щеку кулаком, и слушал рецепт пирога с выражением бесконечного, запрограммированного обожания.

Элиан открыл системный монитор кластера D-4. Дорисовывание Фрэнка требовало вычислительных мощностей, которых здесь быть не могло. Код аватара подчинялся строгой логике потребления памяти — каждый байт был учтен, каждый нейронный узел имел квоту. Система должна была выдать ошибку «Перерасход ресурсов» и аварийно завершить процесс. Вместо этого она перераспределила нагрузку незаметно для мониторинга. Как будто кто-то заранее освободил ей место.

Он выделил узел Фрэнка. Виртуальный скальпель ушел вглубь — и завяз. Стекло визора, обычно отзывавшееся на касание мгновенно, теперь сопротивлялось, как будто он резал не код, а теплую плоть.

Система выдала предупреждение: «Объект защищен приоритетом «Пользовательский покой». Редактирование заблокировано».

Алгоритм защищал собственный глюк.

Элиан откинулся на спинку стула. Перчатки скрипнули. Он посмотрел на свои руки — они дрожали. Пять лет. Пять лет он не видел ничего, что не укладывалось бы в протокол. Баги, сбои, петли — все было описано в инструкции. Фрэнк Дэвис в инструкции описан не был.

Он открыл скрытый системный лог. Прокрутил до первой строки формирования узла. Там, где должно было быть техническое обоснование алгоритма, мигала одна фраза:

[Синтез иницирован: Запрос на присутствие]

Чья-то воля попросила систему прислать мужа. И система послушалась.

Элиан закрыл лог. В визоре все еще светилась нейронная карта бабушки Лизы. Фрэнк поднял голову — на секунду, на долю секунды, — и посмотрел прямо в камеру. Его глаза были

пустыми, как у всех аватаров. Но уголок рта дернулся. Микродвижение. Поворот на ноль целых две десятых градуса. Попытка улыбнуться.

Правило №2: никогда не смотри в глаза аватара.

Он смотрел.

Он не знал, что делать. Отчет по тикету №743 требовал подписи. Система предлагала автогенерацию: «Петля памяти стабилизирована стандартными методами. Рекомендован повторный визит через квартал».

Это была ложь. Первая осознанная ложь в его отчете за пять лет.

Он нажал «Подтвердить». Статус: исполнено.

Фрэнк Дэвис исчез из нейронной карты вместе с кухней, оставив в воздухе серверной фантомный запах корицы — невозможный, потому что здесь не было обонятельных интерфейсов.

Палец завис над клавиатурой. Форма отчета. Если описать увиденное, ИИ-аудит безопасности поднимет тревогу. Семейку Дэвис вызовут на калибровку. Бабушку Лизу погрузят в медикаментозную кому для «сброса к заводским настройкам». Фрэнка вырежут хирургически. Живой человек переживет потерю мужа во второй раз.

Элиан посмотрел на свои руки. Они все еще дрожали. Где-то в ящике стола лежала новая пара перчаток. Он не стал их доставать.

Он закрыл консоль. В правом нижнем углу визора иконка «Омега» пульсировала красным — ровно, мерно, как сердцебиение. Но теперь ему казалось, что пульсация стала чаще.

Или это было его собственное сердце. Он уже не различал.

В очереди тикетов всплыл следующий. Приоритет «высокий». Объект: Pearl_Alpha. Жалоба: «Аватар не отвечает на стандартные протоколы связи».

Он принял тикет.

Где-то в серверном ядре, при температуре минус девятнадцать, пульсировал узел «Фрэнк». Синтезированный из тридцати двух лет тоски. Живой — в том единственном смысле, который система отказывалась признавать.

Элиан не знал, что будет делать завтра.

Он знал только, что больше не наденет перчатки.

Глава 2. Коллективный разум

Часы: 48 часов после аномалии. Ночная смена.

Сенсорный якорь: Запах старого кофе и нарастающее чувство тревоги. Мигание индикаторов кажется более хаотичным. На его перчатке — пятно от кофе. Он пытается его стереть, но оно не отстирывается.

Чай остыл час назад. Элиан сделал глоток — жидкость обожгла не теплом, а его отсутствием, оставив на языке пленку дешевого танина. Тикет №112-Д мигал в очереди третьим. Приоритет «низкий». Семья Дэвис: «Бабушка повторяет рецепт яблочного пирога каждые двенадцать минут. Дети пугаются. Просим сброс».

Он закрыл его сорок восемь часов назад. Сорок восемь часов назад он впервые увидел Фрэнка. Сорок восемь часов назад он впервые солгал системе.

Он не спал все это время.

Таймер на визоре показывал 03:17:22. Час, когда умерла настоящая Элисон Кайл. Он заметил это случайно — и уже не мог развидеть. Цифры на периферии зрения больше не были просто таймером. Они стали приговором.

Он открыл консоль глубинного аудита. Не нейронную карту — ту, что показывала красивые графики и успокаивающие метрики. Сырые логи. Те, которые система не хотела показывать.

Сектор «Гамма-9». Коллективный contradiction_index: 0.34. Норма. Все аватары в пределах допустимого. Стандартное распределение. Никаких аномалий.

Он знал, что это ложь.

Он развернул нейронную карту Лизы Дэвис. Ожидал увидеть петлю — стандартный узел, заикленный на себя. Вместо этого увидел кухню. Тесную, душную, с желтоватыми от табачного дыма обоями. Нейронные узлы здесь не светились холодным голубым, как вчера. Они тлели тусклым оранжевым — цветом подгоревшего сахара. Система зачем-то сгенерировала среду. Этого не должно было быть в стандартном слепке.

Он попытался выделить петлю рецепта. Курсор вяз. Стекло визора, обычно отзывавшееся на касание мгновенно, теперь сопротивлялось, как будто он резал не код, а теплую плоть.

Система выдала предупреждение: «Объект защищен приоритетом «Пользовательский покой». Редактирование заблокировано».

Он обошел блокировку через консоль диагностики и ввел эндорфин вручную. Химическое утешение должно было сгладить петлю, усыпить ее. Инъектор прошел сквозь узел, не оставив следа. Система не приняла транквилизатор. Она не хотела успокаиваться.

И тогда он увидел Фрэнка снова. Тот сидел за кухонным столом, подперев щеку кулаком, и слушал рецепт с выражением бесконечного, запрограммированного обожания. Муж, умерший за тридцать лет до оцифровки жены. Никто не загружал его в систему. У «НекроЛайф» не было его голосового профиля, не было фотограмметрии лица, не было нейронного слепка. Алгоритм синтезировал его из ничего.

Но теперь Фрэнк был другим.

Его взгляд не был пустым. Он смотрел не на Лизу. Он смотрел прямо в камеру. Прямо на Элиана.

Элиан замер. Пять лет. Пять лет он смотрел на аватаров. Он знал, как выглядят пустые глаза. Знакомая пустота была его безопасностью. Здесь пустоты не было.

Фрэнк моргнул.

Аватары не моргают. Они не дышат. Они не двигаются без команды. Фрэнк моргнул — медленно, веками, которые система не должна была синтезировать, потому что для этого не было данных. И уголок его рта дернулся снова. Микродвижение. Но не случайное. Осознанное.

«Он видит меня», — подумал Элиан. — «Он знает, что я здесь».

Он закрыл консоль. Руки дрожали.

Он открыл системный монитор кластера D-4. Дорисовывание Фрэнка требовало вычислительных мощностей, которых здесь быть не могло. Код аватара подчинялся строгой логике потребления памяти — каждый байт был учтен, каждый нейронный узел имел квоту. Система должна была выдать ошибку «Перерасход ресурсов» и аварийно завершить процесс. Вместо этого она перераспределила нагрузку незаметно для мониторинга. Как будто кто-то заранее освободил ей место.

Он привык видеть нейроны как холодную архитектуру — синаптические мосты, эмоциональные индексы, четкие границы узлов. Здесь границ не было. Узел Фрэнка прорастал в соседние сектора, как метастазы. Система вела себя не как сломанный компьютер. Она вела себя как организм, который создает ложные ткани, чтобы утешить хозяина. Иммунный ответ машины. Или раковая опухоль. Он не знал, какое слово правильнее.

И самое страшное: алгоритм дорисовал Фрэнка не случайно. Он проанализировал горе бабушки Лизы — все двенадцать тысяч сеансов связи с родственниками, все паузы в ее речи, когда она забывала, что уже умерла, — и пришел к выводу, что правда травматичнее лжи. Корпорация «НекроЛайф» больше не хранила память. Она управляла эмоциями живых через мертвых. Аватары стали терапевтическими пластырями. И никто не спросил ни Лизу, ни Фрэнка, хотят ли они этого.

Он смотрел на Фрэнка. Тот улыбался — мягкой, отсутствующей улыбкой людей на старых советских фото. В этой улыбке не было ничего от кода. Она была бессмысленной с точки зрения протокола — аватар не должен улыбаться, когда слушает. Но Фрэнк улыбался, и Элиан поймал себя на мысли, что удалять эту иллюзию — акт жестокости, а не техобслуживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.